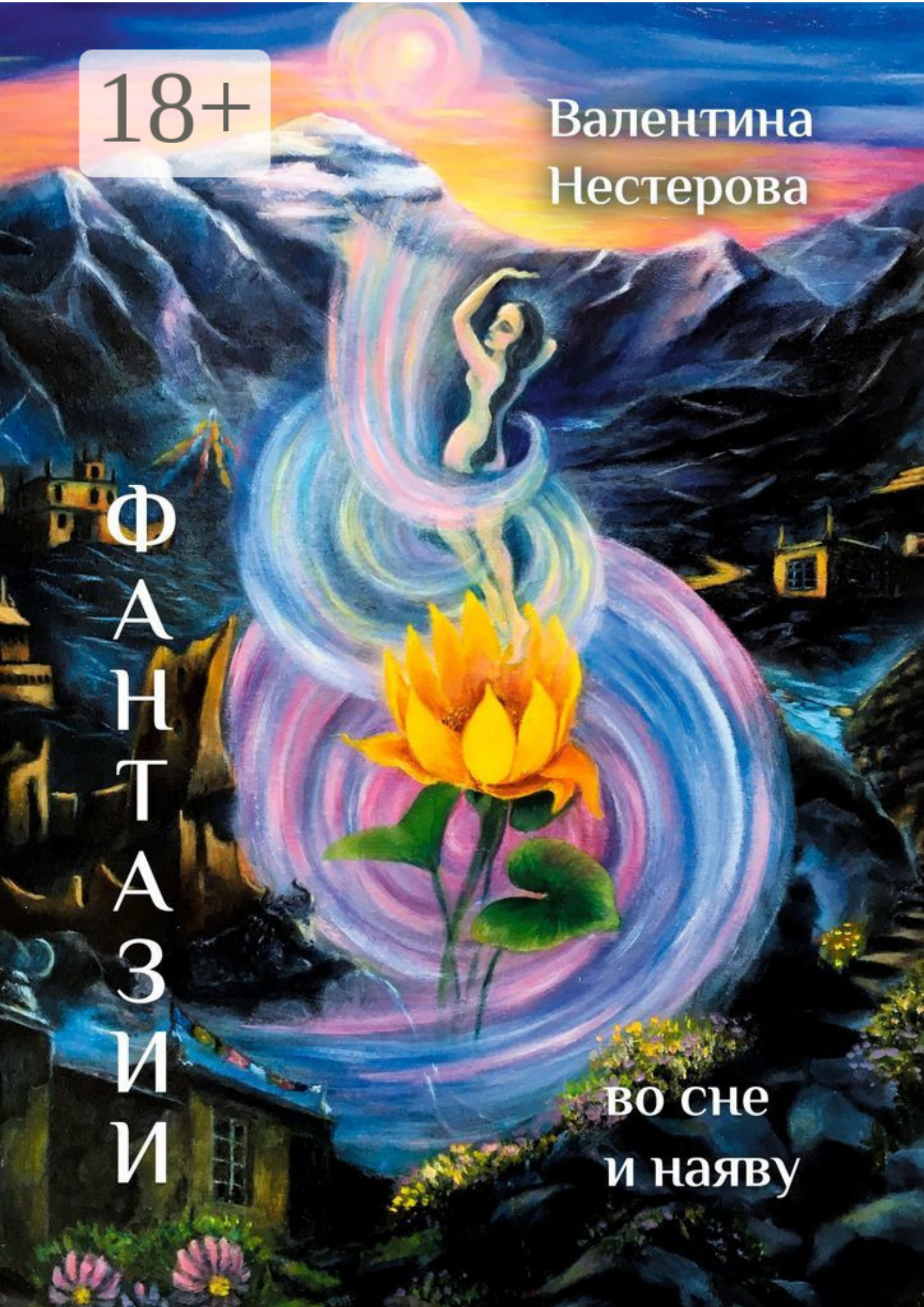

18+

Валентина
Нестерова

Ф
А
Н
Т
А
З
И
И

во сне
и наяву

Валентина Нестерова

Фантазии во сне и наяву.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Нестерова В.

Фантазии во сне и наяву. Повести и рассказы / В. Нестерова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512940-6

Иногда сон похож на маленькую смерть. Но всё же чаще во сне человек попадает в загадочную жизнь, в которой он любит, мечтает, летает, прощает, видит свои прежние воплощения и отправляется в будущее... Герои рассказов и повестей в этом сборнике — реальные люди, пережившие фантастические истории в своих снах и наяву изменившие себя и свое отношение к жизни...

ISBN 978-5-00-512940-6

© Нестерова В.
© Издательские решения

Содержание

Повести	6
Мир тесен	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Фантазии во сне и наяву

Повести и рассказы

Валентина Нестерова

Художник Лариса Яковлева

© Валентина Нестерова, 2020

© Лариса Яковлева, художник, 2020

ISBN 978-5-0051-2940-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Мир тесен

1

Сон в зимнюю ночь бывает по-летнему жарким.

Валерия целовалась, не зная, с кем, но поцелуй был таким томительно-сладостным, нежным, головокружительным, что думать об условностях не хотелось.

Поцелуй-молитва.

Ничего плотского.

Тело само по себе сбросилось, как надоевшее платье.

Первый раз в жизни она чувствовала неземную любовь...

И вдруг резкий, инквизиторски-строгий, несправедливый звонок будильника!

Не звонок, бой вселенских курантов нравственности: ещё минута, и... анафема на все поцелуи!

Тело, на ходу ловя брошенное таинственным партнёром зелёное яблоко, вернулось на место. Глаза сфотографировали густую шевелюру, безжалостный взгляд.

Не может быть!

Гойя!

Какой ужас: она целовалась... с мертвецом.

Художник отомстил ей!

Вчера она сбежала с выставки его сатирических офортов «Капричос».

Восемьдесят сюжетов, изображающих оральные-анальные связи людей.

Её чуть не стошнило.

Не было сил согласно кивать умным речам преподавателя графики...

Руки – главное орудие любви, не зря своё любимое детище мастер назвал «Великий Мастурбатор»...

Скука заставляет людей предаваться чудовищным фантазиям...

Грехи ощипывают нас, как индюков перед Рождеством...

Индюк с кровавыми каплями из носа – последнее, что она видела.

Возможно, брезгливость – тоже грех...

А издеваться над пороками людей, усугубляя на картоне их уродство – привилегия великих?

Мысль оборвалась на полуслове.

Зимний воздух остудил лоб.

Хотя, какой зимний?

В начале февраля – плюсовая температура!

Плоды всемирного потепления – предвестника второго всемирного потопы?

Она сбавила шаг.

И вдруг у её ног шлёпнулась и рассыпалась снежная граната.

Она подняла глаза: может, кто-то там, наверху, решил расстрелять её за непочтение к великим именам, да промазал?

Нет.

Голубоглазая невинность неба была искренней.

А на заборчике справа красовался плакат «Лёд для всех!»

Власть подарила горожанам искусственный каток: вот кто-то и наскрёб снежок, и бросил, заигрывая...

Будильник трясся от негодования.

Сон – главный грех, думал он.

Закрытые веки – признак вялого духа.

Фобия пробуждения сильнее страха смерти...

Вот ещё, будильник не может думать!

Не для того закручены его пружины.

А она?

Где она?

Под одеялом?

Тогда почему со стороны на своей ладони видит зелёное яблоко?

Или сон продолжается?..

И вдруг будильник смолк.

Она вернулась в тело.

Кому рассказать, не поверят.

Сбросила одеяло.

Гойя-и-Лусиэнтес Франсиско подмигнул: *после смерти жизнь только начинается*, послал воздушный поцелуй и растворился в воздухе, как сон...

Сон! – упала тяжесть с плеч.

Возможно, вещей.

Она читала: только вещие сны окрашены чувством.

А ей посчастливилось испытать нечто...

Помоги, сонник!

Валерия взяла с полки толстый том, перелистала страницы...

Зелёные яблоки – предвестье огорчений из-за собственной торопливости...

Что есть, то есть...

Черепашить не в её характере.

Раз-два, и снова на те же грабли!

А вот...

Целоваться со знаменитостью – к любви...

«Неужели Игорь и я?..»

Пролетевшая в голове фраза оборвалась, наткнувшись на продолжение толкования: *и в этом чувстве вы не будете властны над собой.*

Извилины тут же выдали торопливо-прощальное мамино напутствие: *сердца своего никому не отдавай, растопчут, а чувств не жалея, но помни: они изменчивы...*»

Всё ясно!

Бог сна Морфей предупредил: *не торопись!*

А показалось...

Она захлопнула сонник.

Память вернула вчерашний день.

Всё началось с то, что она сама нарушила заповедь «не суди...»

А обвинила в этом Гойю...

Свежего воздуха захотелось...

Вот и!..

Навстречу парень: в руке снежок, в глазах отчаяние, в ухе серьга из бирюзы.

И странный вопрос: а вы могли бы убить человека?

Первая реакция: захотелось со скоростью света оказаться в другом конце города!

И надо было!

Да ноги почему-то приросли к тротуару.

– Снежком? – попыталась пошутить она.

– Мороженым, – серьёзно ответил он.

– В литературе был один такой ревнивец... – вспомнила факультатив по литературе она.
– Я перед вами, – склонил голову он. – Евгений Александрович Арбенин, – и, искоса сверкнув стеклярусом глаз, напоказ разоблачил себя: *романа не начав, я знал уже развязку, и для других сердец твердил слова любви, как няня сказку. И тяжело стало мне, и скучно жить!*

«Сумасшедший!» – не успев испугаться, подумала она.

Но тут его глаза ожили...

– Лермонтов был мальчишкой, когда написал «Маскарад». Мама считает: в его творчестве нет героев, одни персонажи, а «персона» в переводе с латинского «маска». Жить среди ряженных для него было невыносимо, он искал смерти.

– Он смерти искал, а мой папа... его убили, – неожиданно сорвалось с её языка.

– Здесь, за углом кафе, там чай горячий, – стряхнув с ладони растаявший снег, протянул он ей руку, представился, – актёр молодёжного театра Игорь Изгоев.

Изгоев, мысленно повторила она.

Изгнанник, страдалец – подсказало воображение.

Ей стало жаль его, и она протянула ему руку в ответ...

2

Не отключить будильник в воскресенье глупо.

Хотя, ещё рано, и можно поваляться в постели, повспоминать, подумать...

Неужели она сбежала с выставки Гойи, чтобы познакомиться с Игорем?

Пить с ним чай, разговаривать.

Конечно, не так как с бабушкой Марией Захаровной, которую она могла бы звать *мама*, но звала просто Маша.

И когда Маша была жива, их обеих, мёдом не корми, дай порассуждать обо всём на свете!

Запретных тем не было, но чаще всего они вспоминали отца.

Бабушка верила: её сын и на *том* свете служит небописцем, как служил им на земле.

«Художники пишут, иконописцы священнодействуют...»

«Иванов, соблюдая каноны, написал картину „Явление Христа народу“; но люди не молятся ей. А Рублёв изобразил трёх уставших с дороги путников, и его „Троица“ стала любимой иконой...»

«Небо – художественная галерея Творца, твой отец хотел открыть Его талант людям...» – говорила она.

К таланту бабушка относилась трепетно.

Даже когда её невестка, и года не вдовствуя, вышла замуж за турка, и укатила на его родину, она утешилась сама и осушила слёзы внучке, огласив торжественный вердикт: *твоей маме дан талант любви, у папы был талант живописца, выходит, ты богатая наследница...*

С чем вторая бабушка Виринея Ивановна, которую по причине непривычного для языка и уха имени ученики, учителя и знакомые звали по отчеству: Ивановна, а она, Лера, чуть ли не с пелёнок величала Буся (видимо, на свой, детский лад сократила бабусю, у которой, согласно песне жили два весёлых гуся) была не согласна.

— *Любовь не ловля на живца, а моя Светка приохотилась сначала к Никите, теперь к Музе, случись, что с ним, не медля новую жертву найдёт, – то ли ропща, то ли смиряясь с очевидностью, ворчала она.*

«У Вириinei синдром недолюбленности, медицина бессильна, – нашла ей оправдание Маша, но и себе не изменила, – только воплощённый талант любви способен обезьяну обратить в человека!»

Кстати, она единственная именовала сватью по имени, от случая к случаю в педагогических целях напоминая: имя Вириinea с латинского языка переводится как «подлинный лик», а подлинность синоним оригинальности и истинности, из чего следует: иногда не грех прислушаться к её словам.

Надо признать, откровение Буси и прощальное напутствие матери: *сердца никому не отдавай*, в какой-то мере поколебали её веру в заявление Маши о таланте маминой любви.

Через время отцовское наследие также подверглось сомнению...

Был урок на пленере.

Небо хмурилось.

К голым веткам ольхи жались превратившиеся в серых воробышков не облетевшие вовремя листья.

Цветовая гамма пейзажа соответствовала осеннему пессимизму.

Она угольным карандашом очертила на ватмане границы пейзажа.

Чёрную акварель размыла в оттенки серого.

Изобразила корявый ствол, калеки ветки, вместо воробья, бомжеватого ворона...

И вдруг голос преподавателя над ухом: *плоско, мертво! Твой отец писал в технике сфумато: где воздух озарён духовным светом и нет границ. Его пейзажи, дышали, жили а небо то пело, то плакало. Жаль, его секрет умер вместе с ним...*

– Бесталанная я, – разревелась дома она, – был бы жив папа, открыл бы мне свой секрет, тогда бы...

– Тогда и тебя убили бы, как его! – оборвав её, испугалась невольного откровения бабушка.

– Разве он не... упал с утёса? – мгновенно высохли её глаза.

– Упал. Конечно, упал!

– Но ты сказала...

– Это я так, фигурально, – сокрушённо вздохнула Маша. – Никита с детства пытался приспособить реальность к фантазиям. Был убеждён: за небом есть другая земля, где люди летают, как бабочки; никто никого не убивает, не ест; все дружат между собой. Я даже водила его к психиатру...

– И что?

– Знаток человеческих душ сказал: мальчик здоров, пусть рисует своё заоблачное небо, может, нас вылечит...

Ночь после этого разговора была разорвана в клочья.

Она то засыпала, то просыпалась и вновь погружалась в таинственно-реальные сумерки...

Где она карабкалась в горы.

Скользила на мокрой траве.

Хваталась за куст.

Его колючки срывали ей кожу с рук.

Капли крови превращались в ягоды.

Она испытывала странный голод...

«*Не ешишиь, ослепнешишиь*» – прошипела свернувшаяся у ног куста змея.

«Где-то я уже это слышала» – в ответ огрызнулась она.

И прижала языком к нёбу жгучую ягоду.

Глаза её тут же закрылись.

Веки стали прозрачными.

Воздух наполнился сонмом теней.

Ещё немного, и она сама стала бы тенью.

Но кто-то подхватил её, и они взлетели высоко-высоко.

А там!..

Подушечки её пальцев... превратились в маленьких гномов с кисточками в руках...

И вдруг сверху бабушкин голос!

– *Сын приходил, велел передать тебе его секрет...*

Она открыла глаза.

Увидела в руках Маши небольшого размера холст: на нём цепляющийся за край утёса, усыпанный жемчужно-алыми ягодами куст.

– *Сок этих ягод, застывая, превращается в смолу, которая от тепла пальцев активируется, придаёт краскам сферический эффект,* – заученно говорит бабушка, вытаскивает из кармана халата стеклянную баночку с прозрачным содержимым, и со словами: *тебе пора вступить в наследство, а мне пора домой,* начинает оседать...

«Лучше бы умер папин секрет, а бабушка Маша жила бы себе, да жила...» – долго ещё после похорон думала она.

Несущую смерть смоле убрала с глаз подальше.

До вчерашнего дня старалась не вспоминать о ней.

И если бы не встреча с Игорем, кто знает...

3

Валерия мысленно вернулась в кафе, где, заказав чай с пончиками, Игорь Изгоев, инициативу беседы взял на себя.

– Согласись, по сути, Арбенин тоже жертва. В его случае фейк и яд синонимы. Но! Умереть ему, возможно, даже легче, чем продолжать нести свою ношу...

Игорь замолчал.

Взгляд его стал темнеть.

Голос налился свинцом: *Вы дали мне вкусить почти все муки ада. Везде я видел зло и гордый, перед ним нигде не преклонился...*

Ей стало жаль Арбенина, вернее, двух в одном.

А Игорь смыл с лица грим роли.

– На первой репетиции Врал Ильич сказал: добро и зло – это главные актёры, без которых пьеса жизни была бы скучна... как тысяча калош в сухой и ясный день.

– Не поняла, про что Ильич вам врал? – недоумённо повела плечами Валерия.

– Лавр наш режиссёр. Носит себя как лавровый венок. Представляется, не иначе как, – Игорь изобразил древнеримского консула, – ЛАВР. Потом, через паузу, интригуя, добавляет Ильич. Мы для него всего лишь «гомо примитивус». А он для нас за язык без костей, Врал! Но мозг у него без тормозов, и это любопытно...

– Маша говорила: любопытной Варваре на базаре нос оторвали! – ностальгически вздохнула Валерия.

– Не могла бы твоя Маша и моей маме что-нибудь в этом роде сказать, а то она... шагу не даёт ступить...

– Бабушка бы с радостью, но её уже нет...

– Прости, а твоя мама тоже... каждую минуту...

– Моя мама раз в неделю позвонит, спросит: *у тебя всё в порядке?* Я отвечу: в порядке. *Тогда, пока?* Пока! – с помощью интонации передала суть общения с матерью Лера.

– Вы не вместе живёте?

– У неё новая семья. В Турции. Муж, два сына, гостиный двор. Даже имя поменяла: была Светланой, крестили Фотинией, стала Фатимой.

– А мой отец сейчас колесит по Америке. Друг позвал. Хотят создать театр-ковчег, театр-реанимацию, свои и зрительские души спасти. Кстати, – выразительно посмотрел на часы Игорь, – через час он по Скайпу должен выйти на связь, рассказать о встрече со слепым художником, который согласился написать декорации...

– Слепой художник и декорации? – удивилась она.

– Представь себе! Хотя, декорации – громко сказано, им нужно небо! А небеса он пишет как иконы, и они... иногда мироточат.

– Мой отец тоже был небописцем...

– Тогда сам Бог велит тебе явиться в гости к нам. И пончики кончились. А мама обещала испечь рыбный пирог... – многозначительно посмотрел он на неё.

– Даже не знаю, – растерялась она.

– Я знаю! – развеял её сомнения Игорь.

4

В набитой до отказа маршрутке Валерия была рада только тому, что её куртка на молнии, а не на пуговицах. Игорь попытался было вернуться к Арбенину, прошептал горячо: *а если в финале пьесы Евгений подойдёт к жене с ядовитым мороженым, она посмотрит на него невинным взглядом, в душе его произойдёт катарсис, и он приговорит себя: граница мщенью есть! Смотри, убийца твой вершит суд правый над собой!*

– И начинает сексуально облизывать шарик мороженого? – озвучила она первую пришедшую на ум версию.

– Да. Гадость. Лучше застрелиться, – вздохнул он и замолчал.

А она расстроилась: не слишком ли была резка?

Не заразилась ли от Гойи ядовитым вирусом осуждения, или, что ещё хуже, не стала ли похожей на своего учителя, вынесшего смертельный приговор её, едва зачатуому этюду на пленере: мертво и плоско!

– Мама, познакомься, – заявил Игорь с порога и застыл, сознавая, что, по сути, со своей спутницей ещё сам не знаком.

– Валерия, – подсказала она.

– Ксения, – представилась мама Игоря, и тут же скомандовала сыну, – помоги девочке снять куртку.

– Имей в виду, я обещал Валерии чай с пирогом, – охотно принялся он исполнять приказ.

– Тогда мойте руки, и в гостиную...

– Заодно репетиционную, костюмерную, гримёрную, разговорную, – продолжил перечислять Игорь функциональные нагрузки, видимо, главной в квартире комнаты.

– В двух словах, в нашу творческую мастерскую, – поставила точку Ксения.

– Имей в виду, Лера хотела бы услышать рассказ отца о слепом небописце, – пропуская гостью в ванную, будто невзначай назвал её уменьшительным именем Игорь.

– Ты и об этом успел рассказать? – удивлённо взглянула на сына Ксения.
– Так был повод: отец Леры тоже был небописцем, – не замедлил с оправданием он.
– Когда-то у нас с Вадимом был друг, замечательный человек и художник, который нам, начинающим экспериментаторам, согласился бесплатно оформить спектакль. Декорации были простыми: небо, яблоня и камень. Идея – сотворите свой рай сами.
– Спектакль назывался «Перепутье», его афиша, вместо иконы, висит в красном углу, – скороговоркой сообщил Игорь, принуждая мать сменить тему.

Но Ксении не хотелось расставаться с прошлым.

– Мы с твоим отцом осовременили Адама и Еву, не играли, размышляли вслух...

– Куда податься, кому продаться, – нетерпеливо подсказал Игорь.

– Сын?! – удивлённо посмотрела на него мать.

– По-моему, ты начала рассказывать об отце Леры, – с упрёком напомнил он.

– Никита... Ветров... твой... – оторопело уставилась на девушку Ксения.

– Вообще-то, я... и Никитична, и Ветрова, – ещё более растерянно призналась Лера.

– Что и требовалось доказать! Наша встреча запланирована свыше! А твой пирог улучшает нашу карму, – ткнулся носом в щеку матери Игорь.

– Сначала вымой руки, – привычно напомнила она.

– И!..

– Что, и?

– Я требую продолжения урока! – перевёл взгляд на гостью Игорь, пояснил, – мама с пелёнок ставила мне в пример не кого-нибудь, а... – далее продолжил голосом Ксении, – Леонардо да Винчи всегда мыл руки перед тем, как браться за Джоконду! И ты, сынок, перед любым делом...

– Из всего сделаешь спектакль, – с укоризной прервала сына Ксения.

– Леонардо да Винчи изобрёл метод сфумато, в переводе с итальянского языка: *исчезающий как дым*. Чтобы наполнить воздушным светом картины, он иногда писал их, в том числе портрет Моны Лизы, пальцами. От этого света она и кажется живой: розовеет, когда ею любуются, бледнеет, когда прячут от зрителей, – за многословием спрятала Валерия своё волнение от осознания того, что её отец дружил с семьёй Изгоевых.

– В нашем полку прибыло, – учтиво поклонившись ей, нехотя отправился в ванную Игорь.

Ксения жестом пригласила гостью пройти на кухню...

– Когда-то прочитала, что Бог, позволив рыбам размножаться несметно и без боли, принёс их в жертву людям, а рыбы этому даже рады, их карма улучшается, а карма людей не ухудшается. С тех пор часто балую своих мужчин... – снимая с отдохнувшего пирога льняную салфетку, призналась Ксения. – Не знаю даже, что сказать. Однажды Никита привёл тебя в театр. Мы растягивали, а вы с Игорем тихо шлодили. Ты нарисовала на камне солнце в веснушках, на что твой отец заметил: *так больше на правду похоже*...

– А я что там?.. – вытянув вперёд мокрые, хоть выжми, ладони, влетел на кухню Игорь.

– А ты яблоко с ветки сорвал, и оно у тебя в руках покраснело! – с удовольствием доложила Ксения.

– А мой отец?..

– Сказал: *настоящему Адаму следовало бы взять с тебя пример!*

– Так было бы честнее! – одобрил реакцию отца на свой проступок Игорь, и от себя добавил, – а то... валить всё на Еву... как-то не по-мужски.

– Не иметь в раю детства вообще не по-человечески! – на полном серьёзе заключила Валерия.

– А не есть в раю пирогов не по-райски! – подхватив блюдо, направил стопы во всеядную комнату Игорь. – Поторопитесь, барышни, отец вот-вот выйдет на связь...

Выждав, когда разольют по чашкам чай и разложат по блюдам пирог, ноутбук ожил и заговорил...

– Привет, дорогие! С именинами, жёнка! – появился на экране клон Игоря в возрасте. – У нас с утра льёт дождь. Дорога виляет меж гор из пемзы. Так что пейзаж краснокожий, почти марсианский. Катим, катим – ни одного поселения. И вдруг дом с верандой! И старый индеец играет на флейте. Остановились. Разговорились. Оказалось, навахи всегда играют на флейте, когда идёт дождь. *Мы выучили английский язык, но не забыли мелодию своей души*, сказал он. Я спел ему о преданном Орфее, сообщил: у моей жены сегодня именины. Он предложил в подарок тебе купить флейту из кедра. Флейты его бизнес. Я купил. И тебе, и себе, и сыну. Пусть и наши души поют! А ещё индеец с болью признался: свободолюбивые навахи пристрастились проводить свои пикники в торговых центрах. Родилась идея...

– Разместить на сцене супермаркет? – высказала догадку Ксения.

– Умница!

– Ну, хватит вам! – оборвал воркование родителей Игорь. – Ты обещал рассказать о художнике, он, правда, слепой?

– Слепой! со зрячими пальцами. История странная. Кстати, он из нашего города...

– Всё сходится! – перебила мужа Ксения. – У нас в гостях, не поверишь, дочка Никиты Ветрова. Помнишь его?

– Час назад о нём вспоминали. Отец Марка учился вместе с Никитой.

– Он, случайно, не знает, как мой папа погиб? – на одном вдохе спросила Валерия.

– Есть версия, что Никиту убили, – обосновала её вопрос Ксения.

– Марк думает, его отец причастен к смерти Никиты...

– То есть, ты нашёл убийцу? – нетерпеливо уточнил Игорь.

– Не совсем, – отступил под напором сына Данила.

– Что значит, не совсем? – разволновалась Ксения.

– Он невменяем. Называет себя то палачом, то садовником. Развёл кустарник с ягодами сок которых голографирует краски. Сейчас покажу, тут по всему дому кадки...

Экран ноутбука взял на себя роль видеокамеры.

– У папы на холсте такой же куст, – потемнело в глазах Валерии.

– Сын, неси нашатырь. А ты поговори с Марком подробнее, – озадачив мужчин, отключила связь Ксения.

Дальше всё было как во сне...

5

От предложения Ксении заночевать у них Валерия отказалась.

Но и одной возвращаться домой было страшно.

Вернее, не возвращаться, а одной дома остаться...

Игорь, кажется, понял...

– Не уйду, пока не заварю тебе чаю, мама передала, настоящего, цейлонского. И пирог страдает, что ты... ни крошки...

– Согласна, но у меня там... хаос, – виновато предупредила Лера, вставляя ключ в скважину замка.

– И хорошо! Хаос рождает новые возможности, творческие озарения! – произнёс Игорь так, будто сам только что родил эту мысль.

«Я присвоил чужую идею из желания оградить Леру!» – тут же мысленно оправдал себя он.

– Маша говорила, – дважды повернув ключ, открыла дверь Валерия, – когда человек перестаёт быть творцом, с ним случается апокалипсис.

– Мудро! Познакомишь нас? – примеряя, куда можно пристроить сумку с яствами, окинул взглядом прихожую Игорь.

– Бабушки уже нет, зато она связала для гостей носки-теплоходы, – вытащила из обувной тумбочки шерстяные лапти Валерия.

– Теплоходы? – переспросил Игорь, подумал: *хорошо, что не скороходы, уходить быстро не хочется...* и, примеряя сплетённые по щиколотку носки, заключил, – как раз по ноге!

– Маша была бы рада...

– А китайцы, правда, не рисуют на пленэре?

Валерия поняла: про китайцев Игорь не от бесчувственности спросил, просто, хочет отвлечь...

Благодарно откликнулась.

– Правда. Чтобы нарисовать пейзаж, они берут десять древних стандартов реки, десять канонов водопада, десять эталонов гор; медитируют, компилируют и рожают новый привычно-узнаваемый пейзаж, потому что главное для них: не разрушить то, что создано предками...

– А ещё я читал, художники Индии раньше не подписывали свои картины...

– Считали: быть кистью Бога уже награда...

– А в Туапсе, в кинотеатре «Россия» висит говорящая картина «Влюблённые» – со знанием дела сообщил Игорь.

– Прямо-таки говорящая? – недоверчиво улыбнулась Валерия.

– На опыте убедился: только успел объектив навести, а мужик как заговорит! в смысле, зашевелит губами. И таких как я фотографов перед картиной каждый день тьма тьмуцающая проходит.

– И влюблённый всех посылает подальше! – расстегнула молнию Валерия.

– Потрясающая версия! – помог ей высвободиться из куртки Игорь.

И!

Прядь её волос коснулась его щеки.

Прядь цвета...

Таковыми тёмно-коричневыми были его пальцы, когда он чистил ещё не успевшие созреть грецкие орехи, сорванные с его именинного дерева, ветки которого дарственно заглядывают на их незастеклённый балкон...

– Я только сегодня... похоронила папу, – приникла к нему Валерия.

Он обнял её.

Чуть не сказал: *теперь я твой отец.*

Но вовремя понял: это глупо и неправда.

На выход толпились другие несуразные признания.

Что-то вроде...

Была бы у меня индейская флейта...

Ты старая мелодия моей души...

Мой грецкий орешек...

Но разрешил себе чуть слышно прошептать: *несправедливо, что мы так долго жили врозь...*

6

Валерия любила задержаться в прихожей.

Ей казалось: у порога живёт неопределённость, из которой можно выудить новый сюжет, сплести настроение, сотворить мечту, а значит, нельзя торопиться...

Но и медлить больше...

– Кажется, мы боимся? – уткнулась она в плечо Игоря.

– Чего? – потерял дыхание он.

– Маша говорила: легко снять одежду, трудно душу раздеть...

– Мне кажется, мы и так всё друг про друга поняли...

– Тогда, пить чай!

– С пирогом!

Игорь включил электрический чайник, пока он закипал, умудрился рассказать о своём закулисном детстве.

– Театр – вот настоящая жизнь, думал я. Мама с папой на репетицию, на спектакль, я с ними. В выходные я дома актёр. От лица разных героев беседовал с Богом. Много чего просил у него, а однажды, натянул юбку, повязал платок, и топнул ногой: сам стать Богом хочу! От волнения, наверно, в глазах поплыло, почудилось: Спаситель с иконы показал мне язык. Я испугался. *Бог не золотая рыбка, ты не жадная старуха, а реальная жизнь – искусство любви, которое, если овладеет массами, спасёт мир, запомни это, сын!* – в макушку поцеловал меня отец. С тех пор, чуть, что не так, почешу голову, и...

– А мне достались: убийство отца, бегство матери, мольберт, – замерла над чашкой золотистого чая Лера.

– И волшебная смола! Я готов! – подложил на её блюдец ещё кусок пирога Игорь.

– К чему готов? – удивилась она.

– К тому, что ты напишешь мой портрет, и он заговорит, – охотно объяснил он.

– Не смешно! – ухватившись за старинные щипцы, стала механически выуживать из прабабушкиной сахарницы и без счёта перекладывать рафинад в свою чашку Лера.

– А ты не сдавайся! – перехватил её руку Игорь.

– Что, прямо сейчас?

– А чего тянуть?

– Предупреждаю: когда рисую, я пою, – тоном, не обещающим ничего хорошего, предупредила Валерия.

– Главное, не забудь руки помыть, – проигнорировал угрозу Игорь.

– Тогда иди в студию, а я сейчас...

Соседняя с кухней комната, которую Валерия окрестила студией, больше походила на тесную келью: стеллаж с красками, полки с альбомами, папками.

На стене в простенькой рамке висел «портрет» волшебного куста.

Игорь сразу узнал в нём увиденного по Скайпу американского собрата.

Подошёл впритык.

Чуть не лизнул налитые соком жемчужно-алые ягоды.

Справиться с импульсивным, детским желанием помогло ощущение, будто отец Валерии откуда-то сверху, из небытия произнёс: *ягоды созрели, скоро прольются миром, моя дочь узнает, что такое вдохновение...*

– Понял, – отступил Игорь.

Огляделся в поисках чего-то... несомненно! материалистически реального.

В центре комнаты молча, даже как-то покорно стоял мольберт.

- Ты с кем разговариваешь? – демонстрируя чистые пальцы, зашла в мастерскую Валерия.
- Ни с кем, сам с собой, в образ вхожу, – скрестив на груди руки, проиллюстрировал ответ Игорь. – Могу Наполеона изобразить, могу...
- Самого себя, – воспользовавшись паузой, подсказала Валерия.
- Иногда кажусь себе простофилей: верю, вернее, доверяю сказкам...
- Разве верить и доверять не синонимы?
- После долгих раздумий пришёл к выводу, доверие – детское чувство: что папа сказал, мама в книжке прочитала, то и правда. А вера – это по-взрослому. Ве – ведай. Ра – Бог. Ведать Бога, высшую истину, жить в согласии с законами мироздания, разве это не?... – подыскивая подходящее слово, запнулся Игорь.
- Станиславский бы сказал: не верю! – закрепив ватман, неадекватно улыбнулась Лера.
- Ч-чему? – удивился, расстроился и возмутился Игорь.
- Тому, что ты простофиля. И зафиксируй, пожалуйста, этот взгляд.
- Что в нём такого?
- Честность.

Взяв в руки карандаш, Валерия стала взрослее, строже.

– Сначала общие черты. Лицо почти прямоугольное, тип «баловень судьбы». Форма носа коровы – признак художественного вкуса. Рот дракона обещает славу. Глаза буйвола внушают доверие, – уверенно подсказывала карандашу значение линий Лера.

– Твои песни заставили меня развесить уши, – для убедительности потянул мочки ушей вниз Игорь, и на полном серьёзе спросил, – не уточнит ли ненаглядная певунья, у какого зверя я позаимствовал уши?

Зачёт по физиогномике Валерия сдала на «отлично» в зимнюю сессию, вследствие чего ответила без запинки...

- У органов слуха градация иная, твои без сомнения относятся к деревянным.
- Почему-у-у? – не смог скрыть разочарования Игорь.
- Потому что слегка оттопырены, ушная раковина сверху шире, внешний ободок рельефен. Носители деревянных ушей отличаются артистическими и художественными талантами, как правило, добиваются славы, – утешительно улыбнулась Валерия.
- То-то, я смотрю, ты тоже слегка лопухая, – неуклюже закодировал комплимент он.
- И трусливая, – призналась она.
- Отец говорил: страх отступает, когда ему предлагают роль стимула, – в один шаг оказался рядом с ней Игорь, оглядел карандашный набросок, одобрительно кивнул, – ну, здравствуй, моё второе «Я»! Наложим грим, и хоть на сцену. Кстати, – деловито уточнил, – ты краски разводишь водой и белым вином?
- Иногда вином, у бабушки в серванте стоит бутылка.
- «Дороги назад нет!» – отважно вздохнула Валерия.

Дальше всё было как во сне...

Сухой Рислинг пришёлся краскам по вкусу.

Она взяла с полки заветную баночку, та выскользнула из рук, упала, покатилась.

Она решила: это знак, отец сердится...

7

Игорь не узнавал себя.

Ещё вчера он был сам по себе.

Один на один со своими мыслями, чувствами, эмоциями.

А сегодня...

Разлука кончилась.

Отчаяние Леры, когда злополучная банка выскользнула из её рук, вмиг стало его отчаянием: и он упал, и стал ползать на коленях, чтобы вернуть отцовский дар.

Естественно, во время поиска волшебной мастики, он дал себе команду запомнить и при удобном случае перед зеркалом сыграть смену чувств: от страха к отчаянию!

Но это... профессия, ничего личного.

А потом, когда он возвращал банку-беглянку...

Её руки, будто она только что играла в снежки!

И он дыханием своим её ледышки отогрел.

И знак падения банки истолковал позитивно: *а как иначе твой отец мог сказать, что он рядом и, если надо, подскажет, поможет...*

И мысленно помолился, чтобы у неё всё получилось.

И любовался её легкокрылыми пальцами, нектаром акварели оживляющими его карандашный портрет.

И её пение завораживало...

Мелодия рождалась в муках, звуки знакомились, творили созвучия...

Голосовые связки то замирали, то нарушали границы вокала...

А в его памяти, нарушая границы времени, выплыла картинка их детской встречи, когда Лера на сценическом камне нарисовала ярко-жёлтое конопатое солнце.

Его родители потеряли дар речи.

А её отец со словами: *солнышко моё!* красным фломастером обвёл творение дочери контуром сердца.

Дома по поводу неуместного граффити случилась полемика.

«Поощрять хулиганство – для ребёнка вредно!..»

«Вседозволенность – яд!»

«Наказать...»

«Неповадно...»

Слова были мутными, родители чужими.

Он испугался, заплакал.

Мама опомнилась первой, зацеловала, заявила: *любовь превыше всего.*

– Зло заземляет, – вслед остыл и отец.

– Лера хорошая, – успокаиваясь, всхлипнул он.

– Без солнца в сердце... и люди – камни, – чмокнула его прямо в нос мать.

Поцелуй был горячим и влажным...

– Не верю! Не похож! Пятнистый эмбрион какой-то! – на дисканте сорвав голос, подняла руки Лера.

Подушечки её пальцев разноцветно пульсировали.

– А я верю! При рождении можно так выглядеть, – вмиг рядом с ней оказался он.

– Не изменяй Станиславскому! – бросила на него строгий взгляд она.

– Сама посмотри! – уставился на свой взрослеющий портрет он.

– Правда... даже не знаю... – потеряла дар речи она.

Потом они, тесно обнявшись, долго наблюдали, как его лицо оживало, мужало, в глазах появлялись чувства, ум, толк...

Ему хотелось остаться.

Но он не посмел.

Да и утром надо было сдавать этюд.
«Романа не начав, я знал уже развязку!..»
Всезнайка, нашёлся!
Сексист!
Ненавистник женщин...
Сократа бы сыграть: я знаю, что... ничего не знаю!
И Врал Ильич туда же...
«Добро и зло – два главных актёра...»
Врал, врёт и будет врать всю жизнь!..
Игорь шёл по ночному зимнему городу, бодался с ролью и режиссёром...
Но!
Думал только о Лере.
К тому же всё вокруг говорило о ней...

В порыве ветра – шлейф её запаха.
Развитое обоняние главное условие любви, потому что человек себе пару находит носом, – услужливо вынырнула из памяти когда-то и где-то прочитанная или услышанная око-
лонаучная сентенция.

В морозном воздухе зазвенели алмазные льдинки...
Он вспомнил её испуганные, заледеневшие пальцы.
Его дыхание отогрело их, и она вся оттаяла...
Расцвела как первый подснежник.
Как бриллиант...
Вернее, «Диамант», французские духи, которые кто-то из поклонников подарил его маме,
а он, в своём далёком детстве, решил исследовать красивый пузырёк, и разлил их.
Попытался собрать лужицу носовым платочком, чтобы выжать и вернуть обратно.
Не получилось.
Захотелось спрятаться, и даже умереть.
Но!
Наказания не последовало.
И он подумал тогда: мир не так уж и плох!
А сегодня он готов крикнуть: *мир хорош! Лучшего не придумать!*

– Где ты был? Я звоню, беспокоюсь. А он, видите ли, телефон дома забыл! И чуть не до утра девушку провожал! – всплеском эмоций встретила сына Ксения.

– Мам, я позировал Лере. Портрет удался, обещает скоро заговорить. Да, кстати, спасибо тебе за рот дракона! – живописно пошлёпал губами Игорь. – Он пророчит мне славу. А я, по свои деревянные уши влюблён! И сплю на ходу...

– Не забудь, у тебя завтра этюд, – вслед ему напомнила мать.

8

Ксении не спалось.
История Валерии, конечно, потрясла её.
Но рассказ мужа о старом индейце взорвал мозг!
Супермаркет Соблазнов.
Аббревиатура – СС ассоциируется со злом...
Говорят, песня ведьм в «Макбете» четыреста лет притягивает зловещие силы...

До сих пор спорят: Шекспир воспевал мрак человеческих душ, боролся с ним, или был талантливым, но безучастным хроникёром?

В любом случае, зритель каким был, таким и...

И всё же нельзя сдаваться...

Неугомонный мозг моментально вообразил сцену, в глубине которой строится Супермаркет.

На авансцене под дождем сидит старый индеец, играет на флейте.

Из чаши для подаяний выползают змеи, рекламируют соблазны...

Тут же вспомнилось: Папа Римский недавно расширил список смертных грехов, прибавил к семи пять. Теперь их двенадцать, как апостолов.

Пятнадцать веков существовали:

Гордыня. Зависть. Чревоугодие. Похоть. Гнев. Алчность. Праздность.

К ним прибавились:

Аборт. Педофилия. Загрязнение окружающей среды. Наркоторговля. Манипуляция человеческими генами.

Превратят людей в биороботов...

Опустеют театры...

«Типун мне на язык!» – оборвала апокалиптическую мысль Ксения.

Поставила себе диагноз: кризис среднего возраста.

Хочется снова родить: не ребёнка, так пьесу!

Для Игоря роль написать. Хотя...

Сыграть талантливо грех – в какой-то мере обелить его.

Других соблазнить и самому соблазниться...

Раньше кроличьи лапки помогали актёру не стать рабом роли...

Лучшего талисмана – на театре не было.

У неё где-то хранится...

Надо бы и сыну подарить, а то он на полном серьёзе вживается в образ Арбенина.

Не дай Бог, вживётся!

Потеряет себя.

Лера не спасёт...

Был бы жив Никита.

Сыграли бы свадьбу.

Может, Бог так и задумывал, да его пьесу сыграли по-своему.

Нашёлся самочинный режиссёр, убил главного героя, разрушил семью, осиротил девочку. Ради чего?

Или изначально замысел был, напомнить людям: преступления наказуемы?

И не случайно!.. Данила встретился с сыном убийцы, а наш сын с первого взгляда влюбился в дочку убитого.

Так или иначе, Ксения почувствовала себя ответственной за дальнейшую судьбу Леры. И первым делом решила вслед за ней посетить выставку офортов Гойи. Хотелось не только наполниться её предполагаемыми чувствами, но и позаимствовать соблазны для своей будущей пьесы...

9

Будильник прав: фобия пробуждения сильнее страха смерти.

Или... не прав?

Накануне вечером, отмыв пальцы от доставшейся в наследство от отца смолы, она в странной дрёме бесстрашно похоронила себя: пусть не всю, только себе надоевшую.

Как ракета, отстрелила отработанную ступень.

И теперь стала другой.

За бесстрашие простила беспощадного Гойю и даже целовалась с ним.

А целоваться со знаменитостью – к любви...

Игорь! – хаотично забилося сердце.

Портрет! – загорелись подушечки пальцев.

Настроившись на «будь, что будет!», она открыла дверь в мастерскую.

Показалось: по лицу Игоря пробежал свет.

Взяла в руки лист ватмана: нет!

Каким был, таким и остался – наброском.

И всё же что-то...

– Ты дышишь? – замирая от тёплого дуновения, спросила она.

– Тогда скажи что-нибудь, – поднесла к уху портрет.

– Молчишь?

– Ладно, мал ещё, – торопливо вернула лист на мольберт.

«Показалось!» – укорила себя.

Подошла к окну.

В небе празднично, пасхально сияло солнце.

«Как в детстве, когда я любила всех» – подумала она.

И неожиданно вспомнила диагноз Маши: *у сваты Вириinei синдром старческой недолюбленности, медицина бессильна.*

Воображение тут же выдало серию картинок, в которых наивная Буся отдаёт мужу сердце, тот сначала играет с ним, потом выбрасывает, топчет ногами.

«И я, когда не звоню, топчу...» – мелькнула мысль.

Мигом послав воздушный поцелуй оживающему на ватмане Игорю, она метнулась в свою комнату, набрала бабушкин номер, телеграфным стилем выдала: Буся, люблю, соскучилась, еду!

Прихватила сосиску для своей любимицы, собаки Баси.

В дороге размышляла: рассказывать или не рассказывать бабушке о встрече с Игорем, попытке написать его портрет, о сонном поцелуе с Гойей и своих сумеречных *похоронах*?

Решила: ситуация подскажет...

Виринея Ивановна жила в недавно вошедшем в черту города посёлке, бывшем казачьем курене, жители которого не торопились расставаться с сельским укладом: имели свои дома, земли, живность. Вставали с петухами. У многих за заборами хрюкали свиньи, соблюдающие специальную диету, от чего нагуливали мясо без жира и пользовались повышенным спросом у покупателей. По утрам пастух-менеджер, выгонял нехилое стадо коров на пастбище собственников, получивших свои пай в наследство от сгинувшего в истории совхоза.

К приезду внучки Виринея Ивановна покупала у соседки банку свежих сливок для кофе и миску творога для запеканки...

– Бася, рада мне? – почесала Валерия за ухом собаку неизвестной породы, плод свободной любви с гордым станом овчарки, чуткими ушами сенбернара, кудрявой шерстью пуделя, наивными глазами шпица.

– Хватит лизаться, – добродушно прикрикнула на псину Виринея Ивановна. – Пойдём, внучка, в дом. Мне последнее время сны странные снятся...

– Так полнолуние и вспышки на солнце, – угостив припасённой сосиской Басю, обняла, потёрлась носом о плечо бабушки Лера.

...На кухне витал аромат апельсиновой цедры с ванилью.

– Вынимай, приостыла должно быть, – кивнув в сторону духовки, распорядилась бабушка, – а я кофе сварю, Гришка, ученик бывший, с пелёнок Светки моей ухаждёр, от матери твоей гостинцев навёз. Рахат-лукумов разных, тебе майки, сказал, модные...

Большая медная турка, ещё один привет из Турции, тут же оказалась на огне.

– А я тебя хотела о папе спросить, – освободив из специальной формы с застёжками похожую на торт запеканку, неожиданно призналась Лера, хотя ещё минуту назад ничего такого не хотела, как-то всё само по себе, из неведомых глубин выскочило.

– О папе? Куда? – подхватив турку, подула на чуть не сбежавшую пену бабушка.

– Я с одним человеком познакомилась. Он актёр. Зовут Игорь. Его родители с моим папой дружили, – решила не отступать Валерия.

– Сны в руку! – выключив огонь, вернула турку на плиту Буся.

В её словах звучала обречённость.

– Тогда сначала о своих снах расскажи, – насторожилась Лера.

– Да уж, какую ночь ты всё море рисуешь, – разлив кофе по чашкам, присела, уснула, вздохнула, провела чуть дрожащими пальцами по лбу бабушка. – Оно вверх ползёт. Я кричу: межуй горизонт! Ты не слышишь. А море уже наползает на небо, солнце застит...

– И что это значит?

– Сонник толкует: к несбыточным мечтам.

– Успокойся, я мечтала о твоей запеканке, и вот, сбылось, – вырезав из творожного круга весомый кусок, демонстративно радостно плюхнула его себе на тарелку Лера.

– Как же, упомянула Игоря и вся засветилась, а он актёр!

– Не знала, что ты не любишь актёров.

– Многоликие они, – сокрушённо покачала головой Буся. – Кого сыграют, тот и войдёт в душу, и приживётся, а то и собственное «я» вытеснит. Полюбишь одного, а, приглядишься, он другой. Уж я то знаю. Твой дед артистом был, не в театре, в жизни...

– Я просила о папе... – вмиг потеряла аппетит Лера.

– Никита был не от мира сего: причащался не тела и крови, а света и любви, вот Бог его в тайны свои и посвящал.

– Он сам тебе... об этом... – пытаюсь точнее подобрать слова, замолкла Лера.

– Говорить, не говорил, – уловила смысл недосказанного вопроса Буся, – я своими глазами видела.

– Как это?

– Случайно. Вы на денёк прибыли, а ты с соседскими детьми наигралась, пряного воздуха надышалась, уснула как убитая, решили не будить. Заночевали всей семьёй. Я рано утром на базар пошла: домашнего творога со сметаной купить, возвращаюсь садом, красота, яблони цветут, небо, будто кто-то постирал и выгладил, и вдруг вижу: отец твой на пригорке стоит, руки к солнцу тянет, светом его лицо умывает, потом снова ладони к солнцу, и – к сердцу! Дальше, хоть глазам не верь! Никита над землёй стал подниматься. Я испугалась: вдруг улетит? Ойкнула. Он обернулся. Я чуть бидон с молоком из рук не выронила. Не зять, а собственной персоной... Бог! И почему-то мысль в голове: святой дух – это любовь! Чистой души человек. И, вспомнила, были у него артисты в друзьях! Я ещё по его просьбе для них лапки кроличьи доставала...

– Лапки-то зачем?

– На театре испокон веку в силу кроличьих лапок верили. А то ведь роль роли рознь, иная и оскопить может. Только скажи, я за оберегом для твоего Игоря живо к Гришке сбегая, у него кролики всем кроликам кролики...

– Не надо куда бегать, лучше расскажи, что он о маме?..

– У неё всё хорошо, экскурсионное бюро для русских открыла. Муж шофёром при ней. Братья подросли, зовут в гости. Может, и правда, отвлекут тебя пейзажи заморские?..

– Может, и правда, – ложкой с верхом зачерпнула из банки загустевших домашних сливок Лера, и, зависнув над своей порцией запеканки, с удивлением подумала: *даже Маша о своём сыне не знала такого, что Буся разглядела в моём отце...*

– Ешь, на здоровье, – одобрила её желание подкрепиться бабушка, и мысленно заключила: *а за лапками к Гришке я всё-таки сбегая...*

10

В выставочном зале Ксения ощутила себя, будто в декорациях своей будущей пьесы.

Пагубная ошибка в начальном воспитании: у ребёнка вызывают страх перед несуществующим и заставляют его бояться буки больше, чем отца...

Зубы повешенных – средство для колдовства...

Грехи летят с широко распростёртыми крыльями над землёй невежества, поддерживая друг друга...

Да! это все её персонажи: буки, монстры, ведьмы, фобии...

Со времён Гойи они не исчезли, не изменились.

Да что там, Гойи?!

Начало богоборчеству положили ещё Адам и Ева.

Их сыновья стали родоначальниками братоубийства.

И пошло, поехало...

Грехи из века в век плодят друг друга.

А люди в массе своей допотопны.

«Жизнь – сплошной клистир» – подытожил Гойя.

Что на это ему возразить?

Предложить зрителям плакать с плачущими...

Подкинуть им шпаргалку: любовь – чёрствый хлеб!

Что в этом нового?

Всё до неё давно написано, нарисовано, сочинено в стихах и музыке.

Тогда, стоит ли?..

«Хоть трагедию нравов напиши, хоть комедию, люди не изменятся...»

С этой мыслью, не посмотрев и половины офортов, Ксения покинула выставку.

«Зима была бесснежной, чёрной...» – сложила в уме строчка за порогом.

«Страх перед несуществующим...» – хохотнул с высоты Гойя.

Или самолёт пролетел?

Или гроза на подходе?

Гроза?

В начале февраля?

Ксения подняла взгляд.

Похожее на старую, застиранную простыню небо бесстыдно намекало на скорое грехопадение.

Нынче модно афишировать срам.

Рейтинги ток-шоу от пороков только растут.

Вот и Игорь ищет, как оправдать убийство...

Роль Арбенина в начале пути – не подарок...

Кстати!

Вспомнив о сакральной роли кроличьей лапки, Ксения направилась к газетному киоску. В местной газете бросилось в глаза объявление: *развожу кроликов, продаю тушки и шкурки*. Адрес: пригород. Полчаса на трамвае.

Ксения поспешила на остановку.

В салоне пассажиров – по пальцам сосчитать.

Она выбрала место у окна. Решила ни о чём не думать, пусть всё будет, как будет. Сотворила молитву: не моя, но твоя воля, Господи, и впала в медитативную дрему...

11

– Позвольте присесть рядом с вами, – из какого-то параллельного мира прозвучал бархатный баритон.

– Не занято, – подняв глаза, строго произнесла она.

– Вы?! – зрачки в зрачки уставился на неё незнакомец.

– Я это я, а вы, наверно, обознались... – отвела взгляд она.

– Жаль, я думал, в тот вечер вы играли Еву...

– Я во все вечера Еву играла, – перенесла свою сердитость с Гойи на устроившегося в кресле соседа Ксения. – А вас среди завязтых театралов что-то не припомню...

– А я... до мельчайших подробностей. Сцена, камень с солнечной рожицей, вы под яблоней мудрёно говорите Адаму: только Бог верен слову и достоин любви. Но он живёт в небесах, а на земле трудно встретить мужчину хотя бы с маленькой искоркой Божьей. На перепутье, кажется, назывался ваш спектакль, и он, можно сказать, принудил меня искать Бога. Извините, разговорился, всего три дня как вернулся. До этого многие годы молчал, – смущённо признался попутчик.

– На перепутье, – примерив к себе нынешней идею старого спектакля, притихла Ксения.

Её молчание попутчик истолковал, как предложение продолжить исповедь...

– В тот день, почти год в море, вернулся из похода, позвонил девушке, а она уже замужем. Бродил по городу, купил билет в театр, в кармане флакон духов «Диамант», в переводе с французского «Бриллиант». Думал, сначала духи, потом настоящий алмаз подарю...

– Вспомнила! – обрадовалась его признанию Ксения. – *Волшебный аромат, жаль, сын флакон разбил...*

– Надеюсь, наказание было гуманным...

– *Три дня успокаивала...*

Через минуту они разговаривали друг с другом, будто были знакомы сто лет.

Ксения призналась, что назидания в виде готовых рецептов живут у неё на языке, и слетают с него без спроса, обычно, не к месту.

И она даже знает, почему?

Сон видела, будто в одной из прошлых жизней была миссионером, обращала в христианство дикарей незнакомого индейского племени.

Безрезультатно!

«Ты видела Бога?» – спросили они.

«Нет» – честно ответила я.

«А наши духи играют с нашими детьми в лесу» – заважничали индейцы.

«А нашего распяли на кресте» – сдуру призналась я.

«Оставайся у нас, мы не обидим...» – пожалели меня индейцы.

Я испугалась, что дикари обратят меня в свою веру, проснулась...

– А я однажды сизо для умерших душ видел, – подхватил тему попутчик.

– Мираж? – сочувственно поинтересовалась Ксения.

– Если бы! А то... вахта кончилась. Вышел на палубу свежим воздухом подышать.

Смотрю: ночь, а светло. Глянул в небо, там звёзд, как сельдей в бочке...

Каждая звезда – неизвестно в чём подозреваемая человеческая душа.

И все скопом без срока давности ждут Страшного Суда!

Томятся, перебирают в памяти: сколько в пост шашлыков съели, какими словами власть хулили, кому завидовали, кому милостыню дать пожадничали...

И вдруг из всех выступил вперёд выцветший от времени старик, ударил себя в тощую грудь, во всеуслышание заявил: *я виноват уж тем, что церкви нужен грешник!*

– *Пожизненный...*

– *Неисправимый...*

– *Стремление к совершенству для попов опасный грех...*

И сам бы не поверил, да своими ушами эти жалобы слышал!

Более того, вспомнил: одноклассник мой, в бытность комсоргом, велел нам: себя под Лениным чистить, а время изменилось – в священники подался, с амвона к смирению взывает!

Признаюсь, видение, или что это было, заставило меня задуматься о смысле жизни.

Расхотелось мозгу быть твердолобым серым булыжником.

Решил искать альтернативу...

Судьбе, как суду Бога, предпочёл более справедливую ипостась – Карму.

Каким сам себя сотворил, то и получай!

Ошибся в одной жизни, исправься в другой!

Древнее значение корня «инкарн» и значит: «приводить к исцелению».

Отправился в Тибет.

Искал истины в монастырях...

А, оказалось, главную из них: *человек без храма в душе – хам!* – мне учительница ещё в классе первом открыла.

Матери раз в неделю звонил...

На чудесное её бессмертие надеялся...

И вдруг смс: *приезжай попрощаться!*

Такая вот карма...

С моря вернулся – девушка бросила.

С гор спустился – мать умерла.

А с нею часть моей души.

Простите.

Попутчик замолчал...

«*Может, на сцене вместо Супермаркета построить монастырь?*» – мелькнула в голове Ксении мысль, но, представив в зале от силы трёх зрителей, она тут же её отвергла и, чтобы не затягивать паузу, примерила на себя душеполезную роль...

– Мне тоже приходилось видеть мир в сером свете, казаться себе серой мышкой. А так как в монастырь не тянуло, покупала набор карандашей, детскую книжку раскраску, и с утра до вечера страницы расцветивала, да анекдоты читала. Учёные установили: когда человек смеётся, его мозг от серых мыслей отключается. И правда...

– Ваш акварельный голос лучше любого средства...

Комплимент с психоаналитическим оттенком Ксения растолковала как негласное побуждение к дальнейшему откровению.

И!..

Рассказала о своих творческих поисках, американском вояже мужа, индейце и его флейте, художнике, ослепшем по вине отца (карма, хуже не придумаешь). Призналась, что боится за сына. Начать карьеру с роли убийцы плохой знак. Необходим оберег – кроличья лапка. Она нашла адрес. Для убедительности развернула газету...

– Так это Гришка, одноклассник. Вчера из Турции вернулся. Приглашал в гости, – телеграфным стилем откликнулся попутчик, – могу проводить...

– Буду рада. Ксения.

– Пётр.

12

Игорь исчез!

Держа в руке пиалу с мороженым, на сцене появился Арбенин.

К чёрту Лермонтова с его «Маскарадом» – неожиданно для себя решил он, и!..

От гнева скукожился...

Довольно... я ошибся!

Возмечтал, что я могу быть счастлив...

Думал снова любить и верить...

Но час судьбы настал...

Смерть у меня в руках...

Мороженого захотелось Нине...

Так мне оно нужнее...

Печь огненную охладить!

Безумным взором впился в ладонь с пиалой, и!..

Ложка за ложкой стал остужать горнило.

Яд на расправу оказался скор, и он упал.

– Сюда... сюда... на помощь! Умираю! – с перепуга завопила слова своей роли несостоявшаяся убиенная Нина, упала на сценического мужа, горячо зашептала, – дурак! что мне теперь, по твоей милости, от разрыва сердца скончаться?!

– Тихо! – шикнул на неё Врал Ильич и, погружаясь в свою любимую прострацию, пробормотал, – ад... яд... самоубийство...

– Прости, сам не пойму, что на меня нашло? – опомнившись, поднялся с пола Игорь, – вчера мы с Лерой эту версию категорически отвергли...

– С Лерой? Так и умри! – ревниво цокая каблучками, покинула сцену однокурсница Нина.

...Телефонный звонок помог Игорю окончательно вернуться в себя.

– Слушай, сын, – будто из соседней комнаты прозвучал из Америки голос отца. – Я рассказал Марку о Валерии. Кстати, вы с ней уже целовались?

– Что за вопрос?! – искренне возмутился он.

– Смотри, а то в Японии макаки-самцы так увлеклись собственными персонами, что перестали обращать внимание на противоположный пол, – серьёзным голосом заметил отец.

– Бабушка Леры тоже считает: превратить макаку в человека может только любовь, – подыграл ему Игорь.

– Дело в том, что Марк просит встречи с Валерией. Его отец как мантру повторял: *ты прозреешь, когда дочь Никиты простит меня*. Вот он и решил за отца повиниться. Хотя считает свои видения богаче обычного зрения. Кстати, мыслит он тоже оригинально, так что может полюбить в себя с первого взгляда...

– Не понял! – незнакомо ёкнуло под ложечкой Игоря. – Ты его к Лере ревнуешь, что ли?
– Он хочет подарить ей нектар растения, волшебные семена которого забросил на Землю инопланетный метеорит, – набирая темп, начал озвучивать плюсы Марка отец. – Свою слепоту воспринимает как прививку от ревности, иначе говоря, эмоционального голода, который превращает человека в зверя. И только русский театр, по его мнению, прилюдно оголяя душу, способен воспитывать чувства!..

– Когда этого... соблазнителя ждать? – почти с ненавистью поинтересовался Игорь.

– Адвокат обещал не тянуть с документами, – охотно ответил отец и... тут же, будто из-за кулис добавил, – что... подозрительно!

– В чём причина вашего недоверия? – вообразил себя опытным сыщиком Игорь.

– В том, что ДНК нелегально вывезенного из России растения в природе не имеет аналогов. Выяснив это, адвокат оформил на себя патент селекционера, следовательно, ему выгодно купить Марку билет в один конец, – подыгрывая сыну, доложил отец.

– Тогда пусть твой кумир пообщается с Лерой по Скайпу! – вынес приговор Игорь.

– А это идея! Поцелуй за меня маму и... привет Валерии!

Связь оборвалась.

«Скажу Лере: отец велел её поцеловать!» – мысленно похвалил себя за придумку Игорь, и тут же, во всё горло, непримиримо себя осудил: ИДИОТ!

– Кто? Что? – на голос вернулся из нирваны Лавр.

Реальность в образе неопита-актёра не спешила проясниться в уме.

– А, ты, – наконец, узнал он того, кто сыграл справедливость. И подскочил со стула, заорал: молодец! Хватит жить по законам болвана Адама: всё сваливать на баб! На свалку истории импотенцию чувств! Народ ждёт от нас свежих пророчеств! Согласен?

– Давно пора! А то в Японии уже самцы макак... – будто давно ожидая вопроса, издали приступил к ответу Игорь

– Вот именно! Самцы! – повелительным жестом остановил его Лавр. – А теперь слушай меня! Какой-то павиан постановил: у художественной импровизации должен быть коридор! И все бабуины хором за ним: коридор, коридор! Нет жизни нам без коридора! А я с сей минуты провозглашаю: коррида! Зрителям – зрелищ, режиссёрам – замыслов без гра ниц!

Выделив в последнем слове последний слог, видимо, в знак одобрения рождённого им онлайн откровения, Лавр Ильич мысленно упал пред собою как пред иконою ниц и, поправив на голове лавровый венок, ростовщической походкой направился к выходу...

«Реализовать себя в наши дни всё равно, что продать...» — почему-то вспомнил Игорь слова отца, и в его голове что-то щёлкнуло, переключилось на чужую волну...

13

– У нас тут паноптикум хижин, – сойдя с подножки трамвая, обвёл рукой унылую окрестность Пётр.

– Одноэтажная Америка, – согласилась с ним Ксения.

– Улица одиноких долгожителей... – потусторонне заметил он.

– Не вините себя: так устроено: хоронить матерей, – ничего, кроме избитой истины, не пришло ей на ум, чтобы утешить его.

– Простите, вы правы, – принудил себя согласиться с ней Пётр. – А за этим забором моя учительница живёт. Имя не выговоришь, так мы с первого класса её Ивановной звали. Золотая душа. Гришкин дом за углом. Он разжился на кроликах, фундамент под особняк на века залил, а сам не женат и детей нет...

– А у меня куча недоношенных... идей, – призналась-покаялась Ксения. – Хотела пьесу «Тормоза» написать. Сцена – автомастерская, Бог – автомеханик, актёры – машины. «Ока» просит Бога украсить свои бамперы стразами, хочет соблазнить хозяина дороги «Пежо». Копейка умоляет Автомеханика поставить ей мотор самолёта. В общем, всё как у людей, а Бог – золотая рыбка...

– Извините, вспомнил: в древнем Риме, впрочем, и Шиллер с Гёте ещё сочиняли «ксении» – застольные эпиграммы, – смутившись, резко остановился Пётр.

– Намекаете на мою бездарность? – в упор спросила Ксения.

– Не обижайтесь. Ваша идея заслуживает долгого разговора, а мы пришли. Гришка, точно, пригласит нас к столу, ну, и так далее, – выбил мелодичную дробь на железной калитке Пётр.

– Да я и сама знаю, Бог не дал, – неожиданно для себя призналась Ксения. – А театр люблю, и сыну надо помочь. Сколько актёров без работы спилось...

Кроликовод Григорий встретил их радушно.

Почти не удивился просьбе.

Высушенные кроличьи лапки пользовались не большим, но постоянным спросом у разного рода целителей, ведьм, экстрасенсов и тех, кто засиделся в невестах.

А если в магическую силу плодовых зверушек верят даже актёры, то Бог им судья. Прибыли с лапок он не имел, перекрестившись, раздавал безвозмездно.

Одноклассника, такого же, как он бобыля с волоокой спутницей пригласил в дом.

Познакомились.

От спиртного Ксения отказалась.

Поставил чайник.

Пока тот вскипит, решил сбегать за лапками в летнюю кухню.

Накинул душегрейку из кроличьих шкур.

И!

В ворота снова кто-то постучал...

Он распахнул калитку.

Удивился...

– Ивановна? А это... что... Веткина дочь? Точь-в-точь, как на иконе!

– Во-первых, Григорий, не что, а кто! Во-вторых... – подбирая слова, посуровела Буся.

– Им икон не положено, так Фатима на неё молится, – торопливо возразил Григорий не озвученному ещё укору и, пристально взглянув на Леру, заупрямился, – точно, она!

– Кому надо, там и храмов хватает, – стояла на своём Буся.

– Так они далеко. А вы сами говорили: у доброго человека храм в сердце!..

– Когда это я?..

– Когда я с Веткой, и вы из школы шли, а нам навстречу поп-новобранец с крестом на пузе, – охотно напомнил Григорий.

– А-а-а, – застряла в прошлом Буся.

– Наверно, мама не иконе, а... – воспользовавшись паузой, решила вставить слово Лера.

– Конечно, портрету! – с удовольствием реабилитировал себя Григорий, – твоя мама сказала, будто Никита дочку ещё в детстве нарисовал, а она в Турции, вдруг ожила и стала взрослеть. Конечно, сначала я не поверил, а потом убедился: на картине не дитя малое, а вполне взрослая девушка, между прочим, на тебя похожая. И вроде губами шевелит, и теплом веет. Поговорит с нею Ветка, все дела как по маслу! Экскурсию мне устроила: муж за рулём, глаз с неё не спускает, ревнует, думаю...

– А ты не думай! – радикально покончила с прошлым Буся. – Мы к тебе за лапками кроличьими пришли. У Леры друг артист...

– Так проходите в дом, там ещё одна артистка лапки для сына ждёт. А я сейчас, – проводив гостей до порога, свернул к летней кухне Григорий.

14

В прихожей Валерия и Буся проявили нерешительность: то ли пройти на кухню и познакомиться с соискательницей артистических оберегов, то ли подождать властелина кроличьих лапок, не раздеваясь.

Сомнения развеял женский голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.